

УДК 13 + 316.33

И.В. Мелик-Гайказян

МЕТАФОРЫ БИОЭТИКИ КАК ПРЕДЧУВСТВИЯ ГУМАНИТАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Конвергентные технологии унифицируют социокультурную действительность, что противоречит констатациям об усложнении современной реальности. Противоречие связано с отсутствием в гуманитарном знании процедур измерения. Их паллиативную замену обеспечивает биоэтика. Инициативы биоэтики вызвали «переворот в символизме», воспринятый массовой культурой. Новый символизм, тиражируемый в тривиальных формах, фиксирует ситуацию, исследование которой становится вызовом для гуманитарных наук.

Ключевые слова: биоэтика, гуманитарная экспертиза, технонаука, метафоры защиты индивидуальности, семиотика образования

Технологии, созданные за последние десятилетия, сделали возможными произвольные манипуляции телесностью и сознанием человека¹. Превращение самости человека – автономию его телесности; когнитивные способности и потребности; страхи, любопытство, воображение и мечту – в производственный ресурс фиксирует потенциальность трансформаций цивилизации, на которые культура всегда отвечала специальными мерами компенсации. Сейчас такой мерой стала биоэтика, сменив в этой роли экологию, которая была ответом на переход от умения распоряжаться веществом природы к овладению силами природы. Подобные переходы и технологические шаги цивилизации принято расценивать как совершение промышленных и научных революций, как торжество разума, победу науки и прогресс общества. Но проблему составляет понимание механизмов, обеспечивающих взаимосвязь промышленных технологий, социальных трансформаций и динамики науки, точнее – понимание тенденций и отдаленных последствий завоеваний цивилизации. С одной стороны, феномен Sci-Tech фиксирует однозначную связь науки и техники, а формирование «общества знаний» утверждает приоритет системы образования среди социальных институтов, что, казалось бы, должно свидетельствовать о взлете культуры. С другой стороны, конвергентные технологии, являющиеся продуктом Sci-Tech, уже самостоятельно конструируют жизненные реальности человека и самого человека, а университеты, формирующие цели системы образования, лежат «в руинах» [1], поскольку управление ими перешло от научного сообщества к менеджерам «общества знаний». И не разработка технологий – производственных и социальных – подчинена, открываемым университетской наукой знаниям, а вся система образования и науки подчинена целям саморазвивающихся технологий. Для распутывания взаимосвязей саморазвивающихся технологий и трансформа-

¹ В статье представлены результаты выполнения проектов РГНФ №12-03-00198, РФФИ №14-06-00440 и проекта № 155 «Методология моделирования семиотических механизмов управления нелинейной динамикой образовательных систем» Государственного задания для ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет».

ций социальных институтов необходимо отметить три обстоятельства. Во-первых, динамика комплекса этих технологий приобрела свойства самоорганизующихся систем [2], из чего следует, что они уже будут «развиваться» вне зависимости от того, управляют ими или нет. Для гуманитарных наук оценка последствий подобных эффектов беспрецедентна, поскольку определение направлений динамики, равноправно устремленных к самоорганизации или к самодезорганизации, требует опыта количественных измерений параметров усложнения или упрощения системы. Во-вторых, увеличивающуюся долю технологий разрабатывают уже не на основе фундаментальных исследований, а в рамках так называемой технонауки [3], которая не занята доказательством достоверности научных теорий, что убирает знак тождества между прогрессом науки и прогрессом техники. В-третьих, подчинение целей социальных институтов целям трансформации технической инфраструктуры общества всегда запускает действие «непредсказуемых механизмов культуры», которые становятся ясны лишь в ретроспективной интерпретации [4], что составляет проблему для прогностических вердиктов, выдвигаемых гуманитарными науками. Опыт «переосмысления памяти» [4. С. 50] о том, что предшествовало «моменту создания другой реальности» [4. С. 50], служит предостережением для тех, кто переориентирует назначение воспитания и обучения в угоду целям технического прогресса. Одним из назидательных уроков является не оправдавшее надежд «стремление педагогов XVIII в. воспитывать детей по законам физического труда» [4. С. 49], совпавшее во времени с торжеством в науке механистических представлений и предчувствием «приближающихся коренных общественных перемен» [4. С. 50]. Итак, современная взаимосвязь траекторий научного, технического и социального развития не является очевидной, а оценка антропологических перспектив каждого из этих сценариев представляет собой проблему для гуманитарных наук.

Метафора о Вавилонской башне

Отмеченное выше «переосмысление памяти» является одной из прерогатив гуманитарной оценки современного социокультурного состояния. Началом диагностики становится решение вопроса о действительном или иллюзорном усложнении социокультурной действительности. Однако в данных исследованиях пока отсутствуют шкалы, обладающие ценой деления для точных расчетов и замеров социокультурных изменений. Отсутствие единиц измерения лишает возможности создать шкалу для точных оценок происходящего, а это приводит к тому, что новое принимают за лучшее, неясное – за сложное, искусственное – за прогрессивное.

Вне количественных измерений значений параметров порядка самоорганизующихся социокультурных систем у гуманитарной диагностики остается интерпретация метафор, представляющих собой «тележку» [5], перемещающую свой «груз» из контекста их создания в контекст их истолкования. Подобный трансфер для антропологической оценки грандиозных прорывов новых технологий можно совершить на основе «переосмысления» притчи о Вавилонской башне. В повествованиях мифов он предназначен для обозначения гордых замыслов человека, повлекших карающее вмешательство высших

сил. В Книге Бытия этот сюжет несет более тонкий смысл. Его можно понять, обратив внимание на два обстоятельства. Во-первых, *рассеяние людей по всей земле* после смешения языков само по себе наказанием не являлось, поскольку строители башни сами собирались это сделать после завершения ее возведения. Во-вторых, слова Господа, наблюдающего за строительством, которое завершить невозможно, – *«и не отстанут они от того, что задумали делать»* [6. С. 17] – указывают на зряшное и бесконечно долгое занятие людей. Итак, лингвистическая разобщенность людей, прервавшая бессмысленное дело, стала не карой, а благом. Божьим даром стало разнообразие их языков, следствием чего стало разнообразие их занятий, т.е. обретение сложности в их существовании. Весь сюжет изложен в Книге Бытия кратко, но в этой лаконичности нашлось место для указания производства материалов для строительства, позволивших кирпичами заменить камни, что подобно технологическому замещению естественного искусственным. Мудрость слов *не отстанут они от того, что задумали делать* подтверждают дальнейшие завоевания цивилизации, в которых возводить грандиозные сооружения стали не только люди, пережившие Всемирный потоп. Подобные устремления к общей и асимптотически удаленной цели поглощают разнообразие жизненных целей индивидуальностей, избавляют от личной ответственности за совершаемый выбор и устраняют уникальность. Компенсирует эти потери грандиозность замысла. Моральная допустимость этой компенсации составляет идею сюжета о Вавилонской башне. Приведенная метафора дает повод для сомнений в действительном социокультурном усложнении, вызываемом инновациями Sci-Tech. Ведь пока в их итогах: единение разработчиков проектов с потребителями их продуктов и родство профанов, поскольку каждый разработчик конкретной технологии оказывается в беспомощности непонимания всех остальных технологий [7]; упрощение языка коммуникаций, предоставляемое «паутиной» и основанное на двоичном коде; и устремленность к коллективным мечтам, продвигаемым социальными технологиями. В перспективе – одна роль, один язык, одна мечта о «продвинутой» жизни на возводимой «башне».

Метафора о Вавилонской башне служит выражением целей биоэтики, выступающей против любой унификации перед натиском соблазнов новых технологий, конструировать человека и его жизнь по некому образцу. Но в нынешнем конструировании человека человеком отсутствуют надежды на то, что некой высшей силой этот процесс будет остановлен или скорректирован. Биоэтика не претендует на право моральных назиданий, поскольку, во-первых, ею изначально исключено существование единственной моральной позиции, что стало революционным изменением в коммуникациях врача и пациента [8], и, во-вторых, любые проповеди редко становятся эффективным способом прекращения рискованных начинаний. Приведенная метафора предупреждает о рисках разработки и реализации конвергентных технологий, сводящих все разнообразие реальности к унификации антропологической роли в сценариях социокультурной динамики, и выдвигает иное представление о сущности «пределов роста».

Новые «пределы роста»

В XX веке были обнаружены «пределы роста» могущества цивилизации, налагаемые ограничением природных ресурсов, данных человеку в удел [9]. Пути выхода из кризиса были найдены на основе технических решений, расширивших «пределы роста», и созданием экологического знания, потребовавшего объединения усилий всех наук. Экология стала *феноменом самосознания цивилизации* [10] благодаря достигнутому синтезу естествознания и гуманитарного знания. Но в этом синтезе гуманитарные науки опирались на рассчитанные естествознанием методы измерения «пределов» и параметров. В нынешней же ситуации, вызванной тем, что главным ресурсом для производственной сферы «общества знаний» стал сам человек, в роли экологии выступают гуманитарная экспертиза и биоэтика, оценивающие антропологические риски только так, как умеют проводить измерения в гуманитарных науках – в сравнительных понятиях лучше/хуже, истинно/ложно, морально/аморально, etc.

Первый «предел» фиксирует гуманитарная экспертиза проектов техники, сосредоточенной на разработке технических решений, а не на доказательстве научной достоверности результата, поэтому отдаленные последствия запускаемых технологий остаются мало понятными даже их создателям. В качестве «предела» избраны необратимые и негативные эффекты для человека, которые по понятным причинам исключают «рост» цивилизации. Гуманитарная экспертиза является паллиативной мерой, поскольку легко представить, что если бы во времена разработки атомного оружия или создания антибиотиков эта процедура уже существовала, то она бы вынесла отрицательный вердикт относительно реализации этих проектов. Однако производство этого оружия остановило ряд военных конфликтов, а эта группа лекарств сохранила жизнь многим, что сделало возможным существование следующих поколений. Проблемой остается устройство весов, на которых взвешивают плюсы и минусы, взвешивают ценность жизни разных людей. Эта проблема принадлежит исключительно области исследований гуманитарных наук, а создание подобного «устройства» потребует новых парадигм. В принципе, их поиску подчинены все совершаемые философией «повороты». Нарастающий темп этого вращения эпистемологических стратегий маркирует ситуацию, аналогом которой является хаотическое состояние, обладающее креативными потенциалами и предшествующее революционной смене парадигм.

Второй «предел» фиксирует биоэтика. В его качестве выступает уже не только граница модификации природы человека, но и совершаемые им трансформации различных видов жизни, которые уничтожит человеческое в человеке. Ускользающий от однозначности определения феномен человеческого делает биоэтику *формой самосознания современной культуры* и актуализирует в роли ее языка – язык вербальных и визуальных метафор (со всеми вытекающими проблемами, которые демонстрирует, в частности, противопоставление позиций Д. Дэвидсона и М. Блэка [11, 12]).

Изначально биоэтика была нацелена на определение нормативных принципов, защищающих пациента (или испытуемого) от произвола манипуляций

над ним. Динамика биомедицинских технологий, приведших к самоорганизации NBICS-технологий, стала экспоненциально расширять проблемную область биоэтики. В неё, помимо медицинской этики, стали входить задачи по оценке инициатив всех новых технологий, в разной степени затрагивающих любой феномен жизни, что привело к проблеме оценки добросовестности научных исследований, а это, в свою очередь, вызвало необходимость в диагностике воспитывающих технологий образования, что определило задачи этической экспертизы деятельности почти всех социальных институтов: права, образования, СМИ, etc. В результате, биоэтика стала формой современной культуры по защите любой индивидуальности [13] – от «лабораторных» видов жизни до людей, воплощающих социальную норму или находящихся в маргинальной позиции к ней. Решение перечисленных задач превратило биоэтику в трансдисциплинарную область [14], методологический арсенал которой находится в стадии разработки, а опыт неоднозначно сформулированных запретов привел к стимулированию создания таких «лабораторных» существ, что определение их статуса стало отдельной проблемой [15–17]. Впечатляющие достижения NBICS-технологий по производству гибридов, химер, киборгов делают близким широкое и мало контролируемое их использование в биомедицинской практике, что принципиально расширяет пределы модификации природы человека [16]. Интуитивное определение границ «человеческого» в человеке, совершаемое лишь в противопоставлении с искусственно создаваемыми существами [16, 18], вызывает постоянное скольжение границ того, что принято считать нормой, и стимулирует выдвижение проектов по антропологическому совершенствованию – медикаментозному обузданию эмоциональных реакций, техническому обретению безупречной телесности и искусственному продлению жизни, делающему человека бессмертным. Биоэтика, иницируя дискуссии о трансформациях нормы, считает необходимым противостоять проектам, направленным на превосходство нормы, поскольку видит в них опасность насильственной унификаций разнообразия жизни.

Метафоры биоэтики в массовой культуре

Усилия биоэтики наиболее заметны в ее защите тех, «кто не как все». Заметными их сделало то, что из рамок специальных исследований перечисленных выше проблем они выплеснулись в виде метафор в пространство массовой культуры, вызвав «переворот в символизме» [19. С. 46], значение которого сводится к утверждению – несовершенства творят индивидуальность [20. С. 178–193].

Метафоры биоэтики, тиражируемые массовой культуры в тривиальных формах, связаны, прежде всего, с тремя концепциями – «уликовой парадигмой», принципами биоэтического диалога и системой обоснований онтологического статуса «лабораторных» существ [15–21].

В основе «уликовой парадигмы» [22, 23. С. 12] заложено возвращение к началам медицины, когда для обозначения симптома и знака существовало одно слово, и постановка диагноза опиралась не на выводы науки, которой еще не существовало, а была подобна процедуре абдукции. Реконструкция от

симптома к причине недуга совершалась отдельно для каждого индивидуального случая заболевания. Эта реконструкция от «улик» болезни до ее генезиса происходит и в современной медицине при диагностике уникальных случаев, но, настаивает К. Гинзбург, данная процедура должна применяться не только в «редких» случаях, а при диагностике любых заболеваний, поскольку пациент всегда представляет собой уникальную индивидуальность и медицина еще далека от создания универсальных теорий. «Уликовая парадигма» создает метафору врач-детектив, распутывающий «дело» со многими подозреваемыми (или симптомами) и находящий единственного преступника (или причину болезни). Потенциалы новых и разнообразных технических средств диагностики усилили аналогию действий врача и следователя при проверке гипотез-версий, относительно генезиса заболевания-преступления. Популярными ныне медицинские детективы в своей многочисленности тиражируют основную установку «уликовой парадигмы»: каждый случай болезни – уникален.

Главными принципами биоэтического диалога [24] являются совместное переживание страданий тем, кто страдает, и тем, кто избавлен от личного опыта конкретного страдания; априорное принятие множественности стереотипов и тезаурусов, среди которых нет и не может быть правильных и неправильных; сосредоточенность на конкретной экзистенциальной ситуации конкретного человека. Все это вместе делает диалог «продуктивным инакомыслием» [24. С. 7–8], в котором каждую из множественных позиций нужно пережить в качестве своей. Для того, кто в действительности переживает страдания, этот диалог завершается найденным способом решения его проблемы, но для профессионала диалог становится бесконечным в переходе от обсуждения одного конкретного воплощения проблемы к следующему случаю ее выражения. Готовность к бесконечному обсуждению проблемы стала формой деятельности биоэтики в той ситуации постоянного скольжения нормы, о которой упоминалось выше. Метафора о бесконечном диалоге нашла воплощение в медицинских сериалах, где постоянными персонажами являются врачи и движение сюжета обеспечивает смена пациентов.

В концепциях, определяющих онтологический статус и моральный статус «лабораторных» существ, в качестве научных понятий употребляют имена и слова, например Химера и робот, заимствованные из мифов и художественной литературы. На пересечении научных и вненаучных значений возникли многие метафорические выражения о монстрах и киборгах. Благодаря биоэтическим дискуссиям о моральном статусе конструируемых существ и ответственности их творцов за свои создания вся эта «кентавристика» была легко воспринята в массовой культуре. Специфика этого восприятия выражена в двух моментах – в сочувствии к монстрам и в наделении их человеческими качествами. Так, в сагах о монстрах появились вампиры-вегетарианцы и оборотни-защитники, стесняющиеся своего превосходства над живущими рядом людьми. Своеобразным воплощением противостояния биоэтики насильственному развитию у человека сверхспособностей стали саги о школьной жизни. Примечательно, что совпадают семиотические границы у легитимных моделей биоэтики, регулирующих коммуникативную структуру биомедицинской практики, и моделей образования, представленных в романах о Гарри Поттере [25. С. 72–91]. Их сюжет образует противостояние добра

и зла, в котором у добра нет шансов одержать верх, но постоянство сопротивления темным силам способно отодвигать победу зла; при этом основной целью темных сил является обретение бессмертия, ради которого их сторонники готовы расстаться со своей человеческой сущностью, а способ этой потери предполагает установление диктата над школами волшебников, уничтожение всех нечистокровных магов и гибридных существ, созданных в процессе волшебства. В романах, которыми зачитываются школьники, есть много полезного для разработчиков педагогических технологий. Прежде всего, это касается понимания семиотических механизмов, действующих в образовании и раскрываемых только с позиции тех, «кто не как все», поскольку главным итогом образования становится умение совершать осознанный выбор между правильным и легким, на основе знания обо всей множественности интерпретации правильного и легкого.

Итак, массовая культура, воспитывая вкусы публики и угадывая ее желания, нашла востребованную форму развлечения – медицинский детектив, сюжет которого представлен во многих сериях, и с обязательным участием персонажей «не как все». Воплощения этой формы, маркирующие настроения и ожидания большинства, привлекли внимание философии [26–28], нашедшей в ней своеобразные преломления актуальных проблем. Основное содержание этих проблем связано с беспокоящим предчувствием появления «пограничных зон человеческого существования» [18. С. 5]. Определение этих границ и темпа их приближения требует особых инструментов, отсутствие которых становится, как стало принято говорить, вызовом для гуманитарных наук. В культуре любые границы имеют семиотическую сущность, поэтому перспективу гуманитарных исследований составляет решение проблемы измерения динамики символов, что и станет точной диагностикой направлений социокультурных изменений.

Литература

1. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. М.: Изд. дом Гос. ун-та высшей школы экономики, 2010.
2. Степин В.С. Исторические типы рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс-Традиция, 2011.
3. Юдин Б.Г. Знание как социальный ресурс // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 7. С. 587–595.
4. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010.
5. Рабинович В.Л. Имитаторы Рабиновича, или Небесный закройщик. М.: Захаров, 2010.
6. Библия. М.: Российское библейское общество, 2003. С. 17.
7. Тищенко П.Д. Инноватика и социально распределенное производство сложностного знания // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 330–340.
8. Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–72.
9. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Barnes W. The Limits to Growth. N-Y: Universe Book, 1972.
10. Гиренок Ф.И. Экология как феномен самосознания цивилизации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1988.
11. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафор. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
12. Блэк М. Метафора // Теория метафор. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
13. Мецзякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России, 2009. № 10.

14. Гребениčkова Е.Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2012.
15. Beck M. Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009.
16. Кожевникова М. Проблемы природы человека в контексте развития биотехнологий: автореф. ... канд. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2013.
17. Горбулёва М.С. Парадоксы отношений биоэтики и биомедицины: технология создания «анимаглов» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 7. С. 9–15.
18. Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.
19. Vaytshed A.H. Символизм, его смысл и воздействие / пер. с англ. Томск: Водолей, 1999.
20. Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa: WAIР, 2008.
21. Агамбен Дж. Открытость. Человек и животное // Синий диван. 2007. № 10-11. С. 29–46.
22. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 27–61.
23. Мецьякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск: ТГПУ, 2009.
24. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011.
25. Горбулёва М.С., Мелик-Гайказян И.В., Мецьякова Т.В. Меч и скальпель: семиотическая диагностика трансформаций властных взаимоотношений как культурных детерминаций основных принципов биоэтики. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013.
26. Хаус и философия: Все врут! / пер. с англ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.
27. Гарри Поттер и философия: Хогвартс для маглов / пер. с англ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
28. Сумерки и философия: вампиры, вегетарианство и бессмертная любовь / пер. с англ. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.

Melik-Gaykazyan Irina V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

METAPHORS OF BIOETHICS AS PREMONITION OF HUMANITIES REVOLUTION

Keywords: bioethics, humanities examination, technoscience, metaphors of individuality protection, education semiotics

Convergent technologies unify sociocultural reality what contradicts the statement about the complexity increasing of contemporary reality. The contradiction is connected with a lack of measurement procedures in humanities knowledge. Their palliative substitute is provided by bioethics. Initiatives of bioethics produced «a revolution in symbolism» perceived by popular culture. New symbolism replicated in trivial forms fixes the situation which study becomes a challenge for humanities.

References

1. Ridings B. *Universitet v ruinakh* [The university in ruins]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2010.
2. Stepin V.S. *Istoricheskie tipy ratsional'nosti v ikh otnoshenii k probleme slozhnosti* [Historical types of rationality in their relation to the complexity of the problem]. In: Arshinov V., Astaf'eva O., Knyazeva E. (eds.) *Sinergeticheskaya paradigma. "Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti"* [The synergetic paradigm. "Synergetics innovation complexity"]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. 496 p.
3. Yudin B.G. Znanie kak sotsial'nyy resurs [Knowledge as a social resource]. *Vestnik RAN*, 2006, vol. 76, no. 7, pp. 587–595.
4. Lotman Yu.M. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallinn: TLU Press, 2010.
5. Rabinovich V.L. *Imitafory Rabinovicha, ili Nebesnyy zakroyshchik* [Imitafory Rabinovich, or Heavenly cutter]. Moscow: Zakharov Publ., 2010.
6. *Bibliya* [The Bible]. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo Publ., 2003, pp. 17.
7. Tishchenko P.D. *Innovatika i sotsial'no raspredelennoe proizvodstvo slozhnostnogo znaniya* [Innovation and socially distributed knowledge production of complexity]. In: Arshinov V., Astaf'eva O.,

- Knyazeva E. (eds.) *Sinergeticheskaya paradigma. "Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti"* [The synergetic paradigm. "Synergetics innovation complexity"]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011, pp. 330-340.
8. Witch R. Modeli moral'noy meditsiny v epokhu revolyutsionnykh izmeneniy [Models of moral medicine in the era of revolutionary change]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 3, pp. 67-72.
9. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Barnes W. *The Limits to Growth*. New York: Universe Book, 1972.
10. Girenok F.I. *Ekologiya kak fenomen samosoznaniya tsivilizatsii*: avtoref. dis. d-ra filos. n. [Ecology as a phenomenon of self-civilization. Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. Moscow: MGPI Publ., 1988.
11. Davidson D. *Chto oznachayut metafory* [What are metaphors]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaphor* [Theory of metaphors]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 173-193.
12. Black M. *Metafora* [Metaphor]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Teoriya metaphor* [Theory of metaphors]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 153-172.
13. Meshcheryakova T.V. Bioetika kak forma zashchity individual'nosti v sovremennoy kul'ture [Bioethics as a form of protection of individuality in modern culture]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* - Higher Education in Russia, 2009, no. 10.
14. Grebenshchikova E.G. *Filosofsko-metodologicheskoe obosnovanie transdistsiplinarnoy paradigmy v bioetike*: avtoref. dis. d-ra filos. n. [Philosophical and methodological rationale transdisciplinary paradigm in Bioethics. Abstract of Philosophy Doc. Diss.]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2012.
15. Beck M. *Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009.
16. Kozhevnikova M. *Problemy prirody cheloveka v kontekste razvitiya biotekhnologii*: avtoref. kand. filos. n. [Problems of human nature in the context of the development of biotechnology. Abstract of Philosophy Cand. Diss.]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2013.
17. Gorbuleva M.S. Paradoxes of relations of bioethics and biomedicine: technology of "animagles" creation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 7, pp. 9-15. (In Russian).
18. Yudin B.G. Human being as a subject to technological influence. *Chelovek*, 2011, no. 3, pp. 5-20. (In Russian).
19. Whitehead A.N. *Simvolizm, ego smysl i vozdeystvie* [Symbolism, its meaning and impact]. Translated from English by E. Gurko. Tomsk: Vodoley Publ., 1999.
20. Radkowska-Walkowicz M. *Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze*. Warszawa: WAiP. 2008.
21. Agamben Dzh. Otkrytosť. Chelovek i zhivotnoe [Openness. Humans and animals]. *Siniy divan*, 2007, no. 10-11, pp. 29-46.
22. Ginzburg K. Primety. Ulikovaya paradigma i ee korni [Evidence paradigm and its roots]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 8, pp. 27-61.
23. Meshcheryakova T.V. *Bioetika kak forma zashchity individual'nosti v sovremennoy kul'ture*: avtoref. dis. kand. filos. n. [Bioethics as a form of protection of the individual in contemporary culture. Abstract of Philosophy Cand. Diss.]. Tomsk: TSPU Publ., 2009.
24. Tishchenko P.D. *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bioetiki* [On the verge of death: philosophical research of the bases of bioethics]. St. Petersburg: Mir" Publ., 2011.
25. Gorbuleva M.S., Melik-Gaykazyan I.V., Meshcheryakova T.V. *Mech i skal'pel': semioticheskaya diagnostika transformatsiy vlastnykh vzaimootnosheniy kak kul'turnykh determinatsiy osnovnykh print-sipov bioetiki* [The sword and the knife: semiotic diagnostics of the transformations of power relations as cultural determinations of the basic principles of bioethics]. Tomsk: TGPU Publ., 2013.
26. *House i filosofiya: Vse vrut!* [House and Philosophy: Everybody lies!]. Translated from English. Moscow: Yunayted Press, 2010.
27. *Garri Potter i filosofiya: Khogvarts dlya maglov* [Harry Potter and Philosophy: Hogwarts for Muggles]. Translated from English. Moscow: Yunayted Press, 2011.
28. *Sumerki i filosofiya: vampiry, vegetarianstvo i bessmertnaya lyubov'* [Twilight and Philosophy: Vampires, vegetarianism and undying love]. Translated from English. Moscow: Yunayted Press, 2010.